

В древние времена люди создавали чудеса, прокладывали пути к звездам и совершенствовались ради всеобщего блага.

Но мы теперь стали намного мудрее.

Высший архимагос Крийол. Размышления о доимперской истории

Энергоресурсы архимагоса Сафентиса быстро истощались. Последние крохи энергии он направлял в узлы самовосстановления, удерживая электромагнитными полями сломанные узлы и наполняя коагулянтами поврежденные органы биологических частей тела. У него осталось не так уж много времени. Но ему и требовалось совсем немного.

Скраэкоса охраняла целая манипула сервиторов. На большом расстоянии они могли разнести Сафентиса в клочья огнем лазружей, но вблизи демоны жаждали разорвать его на части когтями. В этом состояла основная логическая ошибка противника, доказывающая, что сервиторами управляли именно демоны, а не программы-охотники. Боевые приспособления Сафентиса и руководящие ими подпрограммы давали архимагосу колоссальное превосходство в сражениях с алогичными элементами. Кроме того, Сафентису не надо было уничтожать всех сервиторов — ему требовалось только пройти мимо них.

Он пригнулся, увертываясь от одного удара, отступил в сторону от второго и мимоходом отсек конечность сервитора оснащенной лезвиями механорукой. Следующий сервитор с ревом поднялся перед Сафентисом. Его пробник, словно ядовитая змея, нацелился в грудь Сафентиса, чтобы проколоть ее и высосать душу. Архимагос ударил кулаком бионической руки в корпус сервитора и опрокинул его на спину.

Если бы сервиторы держали строй и координировали свои атаки, как истинные машины Омниссии, у Сафентиса не было бы никакого шанса. Но это были создания Хаоса. Они по определению не были способны к логике. И Сафентис проходил мимо них, с легкостью вычисляя каждое их движение и не отклоняясь от направления на Скраэкоса.

Почитаемый архимагос обладал высшей степенью усовершенствования, какую только могли предложить Адептус Механикус. Чтобы это понять, Сафентису хватило одного взгляда. Усиления Скраэкоса срослись с продуктами биомеханических технологий, разработанных еретиками Механикус Тьмы, — скверными и греховными, но на короткий период более эффективными. Вдобавок Скраэкос, просто ожидая, пока Сафентис до него доберется, заставлял его тратить энергетические ресурсы, необходимые для восстановления.

Вероятнее всего, Скраэкос убьет Сафентиса. Но дело не в этом. Ведь также существует очень маленькая возможность того, что Сафентис убьет Скраэкоса. И архимагос видел свой священный долг перед Омниссией в том, чтобы использовать этот шанс.

Вероятнее всего, Скраэкос убьет Сафентиса. Но дело не в этом. Ведь также существует очень маленькая возможность того, что Сафентис убьет Скраэкоса. И архимагос видел свой священный долг перед Омниссией в том, чтобы использовать этот шанс.

Металлические отростки, заменявшие Скраэкосу руки, налились голубоватым огнем; в землю от них стали проскакивать искры. Пучки соединились в два витых металлических жгута. Скраэкос щелкнул ими, словно двумя хлыстами, и в Сафентиса понеслась голубовато-белая электрическая дуга.

От первого разряда Сафентис уклонился, а второй принял грудью. В то же мгновение внутренние цепочки стали лопаться, как кровеносные сосуды, избыточная энергия переполнила тело и обожгла те небольшие участки плоти, что еще сохранились в его организме.

Скраэкос внезапно оказался совсем близко. Он продолжал хлестать Сафентиса металлическими жгутами. По сравнению с врагом Сафентис двигался слишком медленно. Он был представителем устаревшей механической технологии, отвергнутой биологической ересью, которая создала искусственное тело почитаемого архимагоса.

Один из электрических хлыстов обвил руку Сафентиса, второй продолжал истязать плечи и спину. Сафентиса переполняла боль, о существовании которой он, казалось, давно забыл. Сквозь пелену агонии на него неотступно смотрели мертвые серебряные глаза Скраэкоса. Сафентис застыл, образовав цепь между источником энергии Скраэкоса и землей. Нервные окончания обуглились. Витки энергетических цепей выгорели. Сигналы диагностической тревоги на сетчатке глаз заслоняла дымка боли.

Скраэкос схватил Сафентиса за запястье и лодыжку и резко бросил. Сафентис, разбрасывая искры, взлетел в воздух, тяжело стукнулся о ногу титана и на мгновение лишился сознания.

Очнувшись, архимагос с трудом сфокусировал глаза. Он лежал на спине, а над ним возвышался округлый силуэт лежащего титана. Керамит его брони вздувшимися венами пронизывали биологические новообразования — это был самый наглядный признак ереси из множества других. Но всего лишь один из множества.

Сафентис понял, что отлетел достаточно далеко от Скраэкоса и его сервиторов. Скорее всего, есть еще несколько мгновений, пока кто-нибудь не подойдет, чтобы его прикончить. Архимагос с трудом заставил себя подняться на ноги. Одна из механорук с боевыми приспособлениями оказалась сломана и безвольно повисла вдоль туловища. Узел, передающий к ней импульсы мозга, полностью выгорел. Над Сафентисом поднимались струйки дыма и запах горячей плоти. Перед его взглядом плясали черные точки — при ударе разбилось несколько граней фасетчатых глаз.

Вдалеке, среди обломков упавшего титана роем жуков в металлических панцирях кружились сервиторы смерти. Теперь Сафентис уже ничем не мог помочь Аларику и его воинам.

Скраэкос приближался. Жрец Темных Механикус с царственным спокойствием вошел в тень «Пса войны», где стоял Сафентис. Пучки отростков, заменявших почитаемому архимагосу руки, сгибались и разгибались, словно выбирая способ убийства врага.

— Старые идеи умирают, — сказал Скраэкос, передавая мысли звонким стаккато наречия технис. — Так же, как и ты.

— Умирают лишь еретики, — ответил Сафентис.

— Еретики? Нет. Твое невежество — вот единственная ересь в этом мире. Тебя окружают произведения Омниссии, продиктованные мне Его собственными словами. Твоя внутренняя слабость делает их уродливыми в твоих глазах, но я вижу истинную красоту этого мира.

— Тебя выдают твои же слова, — сказал Сафентис.

Боль сковывала тело архимагоса, и все человеческое в его организме умоляло о конце. Но большая его часть уже давно была не человеческой — такова жертва, принесенная Омниссии. И лишённая людских эмоций часть его существа пока удерживала Сафентиса в сознании.

— Твои мысли уже достаточно отвратительны, — продолжал Сафентис. — Но этот... каннибальский мир, который вы построили... он весь поражен заразой. То, что вы поддались скверне во время пребывания в варпе, уже отвратительно. Но вы еще и настолько слепы, что не видите своего падения. И этому нет прощения.

Скраэкос ударом электрического хлыста отбросил Сафентиса к ноге «Пса войны».

— Слепы?! Когда я брошу тебя программам-охотникам, когда Омниссия извлечет твою душу и вскрыет разум, чтобы ты понял, как слабы устои твоего Имперiums, — вот тогда ты пожалеешь, что не ослеп! — Голос Скраэкоса превратился в рычание, нули и единицы наречия технис срывались с его губ ядовитыми брызгами. — Я видел планеты и звезды, устроенные по Его планам, а ты не можешь увидеть ничего, кроме смерти и тьмы. Твой Омниссия и есть ересь, придуманная трусами, чтобы сокрушить силу воображения. Мой Омниссия будет пожирать твою душу. А когда все закончится, мы посмотрим, кто восторжествует!

В мозг Сафентиса уже не поступала кровь. Значит, у него осталось не больше тридцати секунд, и то лишь в том случае, если у Скраэкоса не лопнет терпение.

Основные системы жизнеобеспечения Сафентиса почти полностью сгорели. Вся нервная система была разрушена. Но не все части его тела были связаны с нервной системой. Сафентис много раз подвергался усовершенствованию. Каждое обновление все больше и больше приближало его к Омниссии; все новые и новые части его плоти заменялись бионическими узлами. В результате усилений в теле архимагоса оставались избыточные устаревшие системы. Он не пользовался ими десятки лет, но они все еще существовали в глубине организма.

Сафентис провел рутинную диагностику систем усиления; на нее пришлось отвлечь последние крохи энергии, поступающие в мозг. Архимагос увидел, что его двигательные и боевые системы почти полностью недееспособны. Он едва ощущал их наличие. Сможет ли он

заставить двигаться бионические конечности, неизвестно. И в любом случае Скраэкос не даст ему времени на то, чтобы изменить регулировку и направить нервные импульсы по старым каналам.

Глаза Скраэкоса представлялись архимагосу серебряными дисками, испещренными черными биологическими вкраплениями. Кожа на лице еретика натянулась так сильно, что казалось, будто над пучком механорук выдается голый череп. Голова Скраэкоса приблизилась вплотную. Значит, лицо Темного Механикус будет последним, что увидит в своей жизни Сафентис...

— Моему Омниссии известно, чему ты поклоняешься,— произнес Сафентис, с трудом принуждая свой передатчик включиться. — Он знает об Образце Стандартных Конструкций, и это совсем не такой священный объект, каким ты его считаешь.

Скраэкос еще подался вперед, вынуждая Сафентиса вжаться в углубление в ноге «Пса войны», образовавшееся после его падения.

— Так вот что ты думаешь о том, что находится под нашими ногами? ОСК? Ты меня разочаровываешь, техножрец! У тебя совсем нет воображения.

Сафентис сфокусировал взгляд усиленных глаз на ненавистном лице Скраэкоса. А затем послал все остатки энергии в оптические усилители. Они выдали в каналы зрения полный спектр: инфракрасные, ультрафиолетовые, электромагнитные и все остальные лучи — и направили их в фасетчатые глаза с такой интенсивностью, что окуляры не выдержали.

Глаза Сафентиса взорвались. Сотни твердых, как алмазы, осколков впились в лицо Скраэкоса и сквозь иссохший череп проникли в мозг. Взрыв повредил единственный оставшийся человеческим орган — мозг, и Скраэкос в смятении и ужасе отпрянул назад.

Сафентис выскользнул из рук врага и рухнул у основания массивной ноги титана. Кровь брызнула с изувеченного лица. Скраэкос же, лихорадочно размахивая щупальцами, сделал еще несколько неуверенных шагов назад. Его механоруки от боли конвульсивно сжимались и разжимались.

Сафентис слышал, как его противник выкрикивает бессвязные тирады машинного кода. Архимагос ничего не видел: глаза были разрушены окончательно. Вся передняя часть черепа, особенно дно глазниц с опаленными нервными окончаниями, горела огнем.

Но он был еще жив. Еще несколько мгновений...

По старым каналам Сафентис направил мысли к узлам, управляемым импульсами мозга. Эти каналы, насколько он мог помнить, всегда оставались дремлющими. Они долго не выдержат, но это не имело значения. Ему требовалось еще несколько секунд.

Три оставшиеся механоруки Сафентиса пробудились к действию. Ноги тоже начали двигаться. От усилий, затраченных на то, чтобы вновь овладеть телом, его бросило в дрожь. Но постепенно, часть за частью, контроль восстанавливался. Вскоре архимагос смог подняться на ноги. Его одежда дымилась. И плоть тоже. Но та часть Сафентиса, которая была нечувствительна к боли, игнорировала протесты всех остальных органов.

Он слышал выкрикиваемые в машинном коде проклятия обманутого Скраэкоса. Сафентис по-прежнему ничего не видел — он никогда уже не сможет видеть, — но определил нахождение Скраэкоса по звуку и прыгнул.

Сафентис обрушился на Скраэкоса и прижал его к земле. Механоруки Скраэкоса, оказавшиеся неожиданно сильными, обхватили его. Конвульсивным толчком вооруженной пилой руки архимагос разорвал одно из щупалец противника. Он продолжал вслепую проталкивать руки вниз, целясь в грудь и лицо врага.

Механоруки Скраэкоса вцепились в одну из конечностей Сафентиса и почти вырвали ее, сломав локтевое сочленение. Одна из механорук, словно копьем, пробила тело архимагоса насквозь.

Теперь спина была повреждена настолько, что отказали ноги. Очередным толчком Сафентис пробился через завесу механорук и схватил Скраэкоса за горло. Победить врага он не мог, и Сафентис это знал, но он к этому уже и не стремился. Если он поступает правильно, если Омниссия за ними наблюдает, если Он решит, что победа принадлежит Сафентису, Ему достаточно будет только продержаться архимагоса еще несколько секунд.

На конце механоруки Скраэкоса открылся изогнутый коготь. Он прошелся по телу Сафентиса, рассекая ткани и соединения системных узлов, выворачивая на землю внутренности. Сафентис, не ослабляя хватки, полосовал тело врага лезвием пилы на единственной оставшейся руке. Щупальца Скраэкоса теперь обвивались вокруг его шеи и пояса, стараясь оттащить прочь. Еще несколько мгновений — и они справятся со своей задачей...

— Твои шансы меня победить, — заговорил Скраэкос, — никогда не поднимались выше нуля. Твоя смерть с самого начала была логической неизбежностью. Это уравнение решается только твоей гибелью, поскольку смерть есть высшая логика.

— Твои рассуждения ошибочны, — отвечал Сафентис сквозь помехи неисправного вокабулятора. — Ты учел все, кроме одного фактора.

— Вот как? — ухмыльнулся Скраэкос, не прекращая жестокую работу механорук, раздиравших тело Сафентиса. — И какого же?

— Ты остался в меньшинстве, — спокойно ответил Сафентис.

Движение титана Скраэкос ощутил раньше, чем увидел. Всплески энергии двигателей машины

бурей отозвались в его гармонично настроенном слуховом канале. Модель «Пес войны» предназначалась для разведки и обладала скорее скоростными характеристиками, чем прочностью и массой, но и этот титан был огромен — двадцать метров тронутой разложением стали и керамики, и плазменный реактор, в избытке снабжавший энергией массивные конечности.

— Нет! — вскричал Скраэкос. — Логика смерти подчиняется мне! Уравнение должно быть решено согласно моей воле!

— Нет, Скраэкос! Я и есть твой конец. И всегда им был! — Голос магоса Антигона прогремел в громкоговорителях «Пса войны», и ближняя к схватившимся жрецам нога титана стала подниматься.

— Ты! — воскликнул Скраэкос. — Ты умер! Давно умер!

— Умирают еретики. Праведники продолжают жить. А ты — еретик!

Скраэкос напрягся, но руки Сафентиса сжимали его горло, и тяжесть архимагоса вдавливала в бетон. Скраэкос обвил механоруками тело Сафентиса и отбросил противника в сторону, а тень огромной ноги уже нависла над ним, как тень лунного затмения.

Скраэкос почти успел подняться на ноги. Но он не сделал ни шага к спасению: нога титана, погребая тела и Скраэкоса, и Сафентиса, обрушилась с такой силой, что в земле образовалась вмятина.

Магос Антигон посмотрел вниз, на тела Скраэкоса и Сафентиса. Оба они умерли под ногой титана: это подтверждали убывающие всплески энергетических полей.

Сафентис послужил Омниссии даже своей смертью. Это был предел возможностей любого техножреца. Антигон ощущал горькое сожаление, что Сафентис отдал жизнь, задерживая Скраэкоса. Да, Антигон получил время перевести свое сознание в систему «Пса Войны» и овладеть боевой машиной настолько, чтобы убить Скраэкоса. Но разве не Антигон должен быть там, внизу? Разве не ему следовало пожертвовать жизнью? В том, что произошло на Каэронии, была и его вина, поскольку Антигон находился здесь с самого начала.

Но в этом случае он довел дело до конца. И впереди еще будет масса возможностей отдать жизнь. Антигон выгнал покаянные мысли из головы, прочел короткую молитву, чтобы облегчить путь душе Сафентиса, и вновь сконцентрировался на титане.

Внутри «Пса Войны» царили темнота и мерзкий запах. Ересь и разложение осквернили древнюю технологию постройки титанов. Информационный центр, рыхлый и покрытый слизью, казался похожим скорее на внутренности животного, а не машины. Антигон ощущал окутавшую разум теплую влажность — как будто нечто чуждое пыталось просочиться в его мысли и заразить их разложением.

Разведывательный титан «Пес войны» представлял собой огромную и сложную машину. Чтобы управлять им, требовалось, по крайней мере, трое операторов, а то и больше. Рубка управления в голове титана была заполнена сплошной массой хранилища информации — клейкого, похожего на мозг вещества. Если бы у Антигона имелось тело, оно бы содрогнулось от такого способа Механикус Тьмы контролировать боевую машину.

Антигон был уверен, что сможет овладеть титаном настолько, чтобы ходить. Сдвоенные плазменные орудия, установленные в оружейных гнездах титана, представляли куда большую сложность. Еще внутри были запутанные системы датчиков и блоки тактических регистраторов, необходимых оператору-человеку — или кому бы то ни было — во время сражения.

Антигон взгляделся в странные грибовидные наросты, образующие операционные системы титана, и обнаружил коммуникационный центр. Он выбрал широкополосный вокс-передатчик, способный связаться с каждым, кто имел включенный вокс-узел.

— Юстициарий, — обратился он к темному спектру радиосигнала. — Ты меня слышишь?

В ответ раздались сотни шепчущих голосов, но один из них резко выделялся на общем фоне.

— Слышу, — донесся голос Аларика.

— Скразкос мертв. Сафентис тоже погиб.

— Понял. Атака сервиторов захлебнулась несколько секунд назад. Ты можешь закончить дело и уничтожить их всех?

— Возможно. Я еще не добился полного контроля. Я удивлен, что смог сделать хоть что-то.

— Магос, титан бы нам очень пригодился. То, что мы увидели, — это лишь первая реакция. Скоро на нашем пути встанет целая армия, или...

Колоссальный взрыв информации оглушил Антигона, словно тысячи хоров с разных сторон одновременно завопили на одной частоте. Волна едва не лишила магоса сознания, но он сумел удержаться. Так человек, цепляясь за перила, держится на палубе в жестокий шторм.

— Это Образец! — закричал он, не зная, слышит ли его Аларик. — Это ОСК! Это должен быть именно он!

— Антигон? — Голос Аларика пробился сквозь вихри информации, все еще бушевавшие в системе «Пса войны». — Я потерял настройку! Что происходит?

Антигон попытался ответить, но информационные потоки забивали все вокруг белым шумом, и магос не мог слышать даже собственные мысли.

— Стой! — продолжал кричать Аларик. — Подожди! Я что-то увидел...

Аларик, надеясь на ответ, прислушался к треску помех на вокс-канале, но так ничего и не услышал.

Корпус упавшего титана был густо забрызган кровью. Участок бетонного покрытия, ограниченный частями машины, был покрыт телами техножрецов и сервиторов. Жрецы-демоны исчезли: возможно, их отогнал решительный огонь штурмболтеров Серых Рыцарей, возможно, испугала гибель Скразкоса. В живых оставалось еще много сервиторов, но они утратили координацию и петляли между обломков по одному или по двое, вместо того чтобы целеустремленно бросаться на противников. Казалось, некоторые потеряли даже чувство направления: они бесцельно бродили вокруг ног титана, все больше отдаляясь от позиции Аларика. Оставшиеся Серые Рыцари, включая приползшего Кардуса, довольно легко удерживали сервиторов на расстоянии.

Внимание Аларика привлекло отдаленное движение в районе высокой башни, в самом центре заводского комплекса. Там поднялся и отошел в сторону целый участок земли, а из-под него стало медленно показываться нечто огромное. Сначала Аларик увидел два треугольных глаза, горящих зеленым огнем, затем появились массивные плечи, длинные реактивные сопла и толстые пластины сверкающей серебристой брони. Корпус имел очертания человеческой фигуры, но если это был титан, он намного превосходил всех других титанов на заводе. Это был совершенно другой уровень.

— Антигон? — крикнул Аларик в вокс. Но появление этого монстра, казалось, только усилило сумятицу в каналах связи. — Антигон, что это такое?

Загадочное сооружение, окутанное белыми облаками охлаждающего газа, продолжало подниматься. Серебристая броня выглядела влажной и переливалась перламутром. В одну из рук было встроено многоствольное орудие — такое огромное, что Аларик о подобных даже не слышал. Вторая рука заканчивалась массивным кулаком, брызжущим голубоватыми искрами, словно окутанным энергетическим полем. Голова неспешно поворачивалась, окидывая взглядом заводскую территорию, и глаза бросали на корпуса стоящих вокруг титанов светящиеся зеленые блики. Машина уже поднялась в рост с самыми большими из титанов, но показалась из земли только до уровня коленей.

Оглянувшись, Аларик заметил, что оставшийся в живых техностраж из отделения Тарка карабкается по обломкам, неся на руках Хокеспур. Дознаватель держалась за его плечо одной рукой, а вторая рука и ноги безвольно свисали.

— Она ранена, — без всякого выражения доложил техностраж.

Аларик увидел в нижней части тела Хокеспур рану от лазерного снаряда. Кто-то из сервиторов

зацепил дознавателя из лазружья. По отверстию, прикрытому обгоревшими краями скафандра, Аларик понял, что дело плохо. При других обстоятельствах дознаватель Ордо Маллеус могла получить помощь в лучших аптекариях Империиума и, возможно, осталась бы в живых. На Каэронии Хокеспур, скорее всего, грозила смерть.

— Холварн, посмотри, не сможешь ли ты ей помочь, — попросил Аларик, затем обернулся к техностражу: — Оставайся с ней.

— Да, сэр.

Аларик не мог рассмотреть лица техностража под щитком шлема, но знал, что оно ничего не выражает. Механикус позаботились о том, чтобы лишить своих воинов любых чувств, кроме желания повиноваться. В каком-то смысле Серые Рыцари не многим отличались от солдат Тарка. Они тоже стали совершенно другими людьми по сравнению с теми, кем могли бы стать, если бы жили нормальной жизнью. Но такова была принесенная каждым из них жертва. Ради службы Императору Человечества им пришлось отказаться от многих человеческих чувств.

— Что это? — спросила слабым голосом Хокеспур, пока Холварн кончиком своего меча разрезал остатки скафандра на ее животе.

Аларик посмотрел назад. Теперь исполинская фигура почти целиком вышла из-под земли. Гладкая голова и огромные плечи возвышались над самыми высокими титанами, построенными Механикус Тьмы.

— Это титан, — сказал Аларик. — Я думаю, они послали его против нас.

— Покажите мне.

Холварн осторожно приподнял Хокеспур за плечи, чтобы она могла видеть титана. Женщина дрожала от боли, и теперь Аларик заметил, что лазерный снаряд пробил ее насквозь. Все внутренности были залиты кровью. Он удивился, что Хокеспур до сих пор не потеряла сознания.

— Я не думаю, что Механикус Тьмы его контролируют, — прошептала она. — Это титан имеет над ними власть. Мне кажется, это и есть Образец Стандартных Конструкций.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/670578>